

Глава 32. А вы и впрямь умеете соблазнять

Чаша в руке Еян Цы дрогнула, и по вину пробежала лёгкая рябь. Он опустил взгляд и тихо произнёс:

— Ты не умрёшь.

— Почему ты так уверен?

— Потому что ты — Цинь Шэнь, Цинь Цзяньчуань.

Глубокий, словно горный поток, и твёрдый, словно ледник — оттого и имя ему «Цзяньчуань».

Еян Цы осушил чашу и медленно улыбнулся:

— Железные доспехи и оружие, что мы выкопали на полях Сяцзиня, я велел Го Сысяну изучить, а затем переплавить. Накопив множество осколков метеоритного железа с Северной Стены, он за эти месяцы выковал себе длинноклинковую саблю-модао. Клинок её был прокован шестнадцать тысяч раз, прошёл через бесчисленные циклы огня, закалки и ударов молота, прежде чем стать воистину божественным оружием. Разве человек, закалённый подобно такому клинку, может так легко умереть?

Рука Цинь Шэня, лежавшая на столе, дёрнулась, словно он хотел коснуться его лица, но в последний миг он сдержался.

— Мы вели приятную беседу, а ты вдруг завёл речь о посторонних. Какое мне дело до клинка этого мальчишки Го? Неужели он собирается отдать его мне в помощь в этом походе? — холодно произнёс князь Гаотан, скрывая за показным пренебрежением свои истинные чувства.

Тан Шицзин считал Еян Цы проницательным, но тот, казалось, порой не замечал тонких душевных порывов. Собеседник слегка растерялся:

— Я не это имел в виду. Этот клинок Го Сысян выковал для себя, так что дарить его князю было бы неуместно, но... он никак не может придумать для него имя. Если у Вашего Высочества есть вдохновение, он мог бы даровать имя этому оружию.

Лицо Цинь Шэня оставалось бесстрастным, но в душе закипало раздражение.

— Назови его «Не прикасайся»!

— Что?

— Имя для клинка.

Еян Цы сначала не понял, но, поразмыслив, уловил в этих словах дзенский оттенок фразы «изначально нет ни единой вещи, где же пыли осесть?». Он кивнул:

— Я передам ему. Посмотрим, понравится ли. Благодарю князя.

«Какое тебе дело, понравится ему или нет, и почему ты благодаришь за него?»

Цинь Шэнь почувствовал, что если они продолжат обсуждать этот клинок, у него случится сердечный приступ. Он глубоко вздохнул:

— Мы скоро расстанемся. Неужели у тебя нет ничего, что ты хотел бы сказать мне лично?

«Лично?»

Еян Цы задумался и произнёс:

— Лично я надеюсь, что князь вернётся в целости и сохранности.

— И всё?

— И ещё, хм, надеюсь, что Гаотан и Сяцзинь тоже будут в безопасности.

Цинь Шэнь стиснул зубы:

— Ты не можешь хоть на время забыть о «господине Еяне» и стать просто Цзеюнем?

Еян Цы наконец уловил невысказанный смысл и удивлённо взглянул на собеседника:

— Князь не желает говорить о делах и хочет перейти на личное? Что же, Ваше Высочество наконец осознало, что любит не рысей, а мужчин?

— Я не люблю ни рысей, ни мужчин!

— Говоришь, что любишь женщин, но я не вижу ни наложниц, ни супруги. Так кого же любит князь... себя?

Цинь Шэнь гневно посмотрел на него, и его взгляд был полон невысказанной угрозы.

— Князь воистину забавен, — сказал Еян Цы.

— Забавен? — Цинь Шэнь помолчал и хмыкнул. — Такой оценки в свой адрес я ещё не слышал.

Скромность и заурядность были маской, холодность и высокомерие — тоже. Этот князь Гаотан был человеком противоречивым, его внешность не соответствовала внутреннему миру. Еян Цы, осознав это, снова оглядел его с ног до головы:

— Князь действительно не из тех, кто предпочитает мужчин?

— Нет! — отрезал Цинь Шэнь.

Еян Цы усмехнулся:

— Но князь, зная, что я «обрезанный рукав», не держит дистанцию, присваивает мой веер, касается сахара на моих губах, крадёт написанную мной эпитафию, обманом заставляет меня раздевать его во время лечения, обнимает за талию перед подчинёнными и распускает слухи, будто я ваш любовник... Такое поведение говорит о том, что устои Вашего Высочества не так уж и крепки, как он сам утверждает.

Он признался себе, что сейчас в нём проснулось злорадство. Перед ним был молодой и крепкий красавец, который при этом строил из себя неприступную крепость. Почему бы и не подразнить его? В конце концов, Цинь Шэнь сегодня был ему обязан, так пусть это развлечение и станет платой.

Собеседник упёрся руками в стол, его лицо оставалось невозмутимым, а выдержка была подобна выдержке просветлённого монаха.

— Это ты смотришь на меня с нечистыми помыслами, — низким голосом произнёс он. — Как в поговорке о том, кто подозревает соседа в краже топора.

— Князь клеветает на меня, — возразил Еян Цы. — Я не ворую чужого и не поливаю грязью других. Откуда же у меня нечистые помыслы?

— Если бы твои помыслы были чисты, зачем бы ты при первой встрече бросил в меня веер с холма? Оконный шест Пань Цзиньянь и то был скромнее.

— ...Можно ли придумать что-то более абсурдное?

— Когда у тебя от голода кружилась голова, я из добрых побуждений поддержал тебя, а ты воспользовался моментом и сжал мои пальцы.

— Я сжимал костяное кольцо лучника, а не пальцы! Из чистого любопытства.

— А ещё ты в «Собрании стихов из Чангу» обвёл иероглиф «дракон» и рядом тайком написал моё имя. Неужели я так запал тебе в душу, что ты испортил мой экземпляр книги?

— Я...

Еян Цы запнулся.

«Ты назвал меня „тигрицей Яньчжи“. Я в отместку исправил строку на „Я отрублю ноги ‘Цинь’ и разжую плоть ‘Шэнь’“. Этот поступок, конечно, был ребячеством, но не до такой же степени, чтобы всё так неверно истолковать?»

— Еян Цы, а вы и впрямь умеете соблазнять, — подытожил Цинь Шэнь.

— ...

«О Небеса, рассудите, кто прав, а кто виноват!»

Цинь Шэнь впервые заставил замолчать красноречивого господина Еяна и счёл, что попал в самую точку. Значит, тот действительно воспылал к нему чувствами с первого взгляда и теперь играл в кошки-мышки.

К несчастью, князь не считал себя содомитом. И даже если в нём на миг вспыхнуло желание, то лишь потому, что он был молод и полон сил, а противник — весьма искусен.

Желание — это часть человеческой природы. Как говорил Великий Юй, укрощая потоп, направлять его лучше, чем сдерживать.

— Так содомит я или нет, или, быть может, мои устои рухнут лишь ради одного человека, — внезапно спросил Цинь Шэнь, — не желает ли господин Еян проверить?

— Проверить что... — Еян Цы моргнул, приходя в себя. — В этом нет никакой необходимости!

— Ночь глубока, вино выпито, князю пора, — он вынес гостю приговор и, оперевшись на стол, поднялся. Ноги его слегка подкашивались. В конце концов, они вдвоём за разговорами осушили целый кувшин. Хоть хмель и не был сильным, но теперь у него горели уши и плыло в глазах.

Цинь Шэнь, поднимаясь, поддержал его. Еян Цы, словно ошпаренный, отдернул руку. Это снова разозлило его собеседника.

«Когда ты говорил, что у меня большая грудь, и лапал меня спереди и сзади, почему-то не говорил „в этом нет никакой необходимости“».

Очевидно, Еян Цы нравилось удить рыбу, но когда та начинала клевать, он тут же обрывал леску.

Этот человек был хитёр, как лис, и досаждал, как весенний ветер, не давая ни спать, ни обрести покой. Всего полкувшина лёгкого вина — и он уже пьян.

Цинь Шэнь, поддавшись хмелю, снова попытался схватить его за запястье.

Еян Цы увернулся, но рядом стоял низкий столик с вином. Он задел его ногой в шёлковом чулке, и мизинец пронзила острая боль.

— С-с-с... — прошипел он.

Когда он инстинктивно наклонился, чтобы потереть палец, Цинь Шэнь обхватил его за талию:

— Ушибся?

— Нет, — юноша одной рукой тёр ногу, а другой отталкивал его руку. Рукав опрокинул пустую чашу на столике.

Чаша покатила по циновке, сбитая их шагами, и со звоном упала на деревянный пол.

Циновки, набитые камышом, были сложены у окна в несколько слоёв, образуя возвышение в полчи высотой, на котором можно было сидеть, лежать, пить вино за столиком или любоваться цветами за окном.

Запоздалый хмель наконец ударил в голову, сбив даже шпильку, державшую волосы. Чёрные пряди волной рассыпались по циновке. Еян Цы, прислонившись к стене, полусидел-полулежал, его затылок покоился на раме окна с зелёной шёлковой шторой, а тело было окутано тенью, подобной горе.

Тень нависала над ним. Цинь Шэнь, опустившись на одно колено, нависал сверху. Его колено прижимало одежду Еян Цы, ладони упирались в циновку, а лицо было слабо освещено серебристым лунным светом.

Зелёная шёлковая штора задерживала ночных насекомых, но не могла сдержать ни льющийся лунный свет, ни тени бамбука за окном. Собеседник перевёл дух, его голос, пропитанный вином, стал немного мягче:

— Князь собирается взять меня силой?

Цинь Шэнь лишь смотрел на него сверху вниз, его голос был низким:

— Смелее, приложи ещё немного усилий. Твоё искусство обольщения ведь не ограничивается этим.

Еян Цы рассмеялся:

— Явно князь прижал меня к циновке, но говорит, будто это я его обольщаю. Поистине, всё перевернуто с ног на голову.

Цинь Шэнь легко коснулся пряди волос у его уха, затем захотел провести пальцами по нежной, тёплой, как снег, коже на его шее, но сдержался.

Он чувствовал, как внутри нарастает волна, и силой воли сдерживал её.

— Ты подшучивал надо мной, спрашивая, люблю ли я мужчин, женщин или кого-то ещё. Я могу сказать лишь одно: с «любовью» лучше не шутить. Можно пригубить, но не более, оставаясь в полупьяном состоянии. Если же увязнуть в ней, как в болоте, из которого не выбраться, — это опасно.

— Чем же опасно? — спросил Еян Цы.

— Обладая, будешь бояться потерять. Потеряв, будешь невыносимо страдать. Когда она вступает в конфликт с другими убеждениями или желаниями, ты будешь мучиться. Любой выбор принесёт боль — либо другому, либо себе.

Еян Цы задумчиво произнёс:

— Значит, князь хочет контролировать её, как контролирует жар в печи при ковке оружия?

— Это необъезженный скакун, для укрощения которого нужны все силы, — сказал Цинь Шэнь.
— А я о нём ничего не знаю, поэтому не могу похвастаться, что одержу победу. Я думал, что мне никогда в жизни не придётся задумываться о том, как его укротить. А ты, ты укрощал его?

— Конечно, — тут же ответил Еян Цы.

Ладонь Цинь Шэня, как он и хотел, коснулась его шеи, скользнула под воротник лёгкой летней одежды и чутко ощутила движение кадыка.

— Лжец, — хмыкнул князь. — Спокойствие твоё напускное. Стоило коснуться мочки уха, как она тут же вспыхнула.

Еян Цы дотронулся до уха — оно было холодным, не горело и уж точно не покраснело.

— По крайней мере, я опытнее Вашего Высочества, — легкомысленно бросил он. — Я хоть и не гений, но в делах амурных разбираюсь. Справиться с новичком мне по силам.

— Значит, ты опытный? Дай-ка я посмотрю, насколько... — Цинь Шэнь медленно продвинул правое колено, стоявшее на циновке, между его ног и тут же почувствовал, как тот напряжённо их сжал.

Еян Цы упёрся ладонью в давящее на него тело, его улыбка не достигала глаз:

— Князь, мы просто беседуем, а не соревнуемся в мастерстве. Итак, прощальное вино выпито, не пора ли князю возвращаться в Гаотан и готовиться к отъезду?

Цинь Шэнь знал, что пора остановиться, но жар ладони на его плече превратил тоску расставания в вино, искушающее его опьянеть до беспамятства.

Он был пьян, он стоял на краю пропасти разума, готовый броситься в весенние воды. Словно чайка, ныряющая за рыбой, он бросился вниз...

Еян Цы широко раскрыл глаза. Жаркие губы, пахнувшие вином, двигались на его губах, словно пытаясь пронзить его насквозь. После короткого замешательства он инстинктивно попытался отбиться, но Цинь Шэнь, прежде чем тот успел нанести удар, перехватил его другую руку и прижал к своей груди.

— Неужели так неприятно на ощупь? — хрипло спросил он на ухо юноше.

Пальцы Еян Цы утонули в упругих мышцах груди, и он не мог их оторвать. В этот миг он не просто касался, он сжимал, и его пальцы, охваченные нежеланием отпустить, пошли наперекор его воле.

Цинь Шэнь почувствовал его колебание и, воспользовавшись этой слабостью, как генерал, преследующий врага, снова поцеловал его.

Их языки сплелись в жарком танце. На этот раз Цинь Шэню казалось, что он погружается не в весенние воды, а в мягкое пламя, которое обволакивает и плавит его.

Столик был сметён на пол, опрокинулся и пустой кувшин. Остатки абрикосового вина смешались с ароматом белой сливы, разжигая тайный пожар в тесном пространстве.

Спустя долгое время Еян Цы отвернулся, жадно хватая ртом воздух. Кое-как отдышавшись, он сказал:

— И впрямь новичок. Чуть не задохнулся.

Цинь Шэнь, всё ещё тяжело дыша, ответил:

— Прощу прощения. А вот господин Еян, прошедший огонь и воду, умудрился прикусить себе язык.

Кончик языка горел, хотелось приложить к нему кусочек льда. Собеседник, словно прочитав его мысли, достал из-за пазухи мятный леденец, развернул его и положил ему в рот. Еян Цы, рассасывая сладость, спросил:

— Князь говорил, что не ест сладкого. Зачем же носит с собой?

Цинь Шэнь не ответил.

— Леденец липкий, немного подтаял. Давно вы его носите? — Еян Цы просунул руку под его одежду и нашёл не один вид сладостей. — Князь беспокоился, что у меня снова закружится голова, и держал их наготове?

— Вовсе нет. Это для Янькая, он любит сладкое, — сказал Цинь Шэнь.

— Вот как.

Еян Цы, казалось, не придавал этому значения и похлопал его по груди.

— Князь только что опробовал на мне свои силы. Нашёл ответ?

«Казалось, он так страстно отвечал, а оказалось, лишь проверял свои чувства».

Лицо Цинь Шэня потемнело.

— Одного раза недостаточно для сравнения, так что выводы делать рано.

Леденец почти растаял, оставляя на языке прохладу и лёгкое жжение. Еян Цы всё ещё чувствовал дискомфорт. Он проглотил остатки и, втянув воздух, сказал:

— В таком случае князю стоит попробовать и с другими.

— Ты! — сердце Цинь Шэня сжалось. — Не нужно больше пробовать. Я никого не люблю, и неважно, «рукав» я или нет!

— С этим я согласен. Удовлетворить потребности друг друга — и довольно. Мудрец находит радость в водах, но не бросается в реку любви, — Еян Цы оттолкнул его. — Князь, отпустите меня, вы тяжёлый.

Цинь Шэнь перевернулся, уложив его себе на грудь, и, обхватив за талию, не отпускал.

— Если не говорить о любви, неужели больше не о чем?

— О чём ещё хочет говорить князь?

— ...О сделке.

Еян Цы приподнял бровь:

— Это мне нравится. Товар — деньги, и никаких долгов. Кстати, князь обещал мне переселить в Сяцзинь десять тысяч человек, верно?

— Верно, — сказал Цинь Шэнь.

— Помочь князю убить врага и захватить корабль не стоило мне больших усилий. Эта сделка неравноценна. Я не люблю быть в долгу, так что Ваше Высочество может потребовать от меня что-то ещё.

— Того, что ты сделал сегодня, более чем достаточно.

— Вы о заботе о двух княгинях и юном наследнике? Это другое, это бесплатно, — сказал Еян Цы. — Если князь пока не придумал, пусть скажет позже. В любом случае десять тысяч человек появятся не скоро. Пока что просто пообещаем друг другу золотые горы.

Цинь Шэнь едва не рассмеялся от злости:

— Ты думаешь, это просто обещания? Может, заключим письменный договор? Ты поможешь мне прорубить путь к свободе, а я помогу тебе вознестись к самым облакам?

Еян Цы сел, оказавшись верхом на нём, и хлопнул в ладоши:

— Отличная идея. Я давно понял, что князь — щедрый бога... кхм, покровитель. А моё главное достоинство — честность. Я не обманываю ни старых, ни малых. Взаимная выгода и

сотрудничество — вот самые прочные отношения в мире.

Цинь Шэнь глухо застонал и процедил сквозь зубы:

— Сиди, но не ёрзай.

Еян Цы, внезапно осознав, на чём сидит, сполз с него и обеспокоенно спросил:

— Не сломал? За это я точно не смогу заплатить.

Цинь Шэнь сел и глубоко вздохнул. Дождавшись, пока волна спадёт, он встал и сказал:

— Еян Цзеюнь, ты настоящий герой. Прощай на сегодня. Жди моего возвращения живым...

Он сунул ноги в туфли, отшвырнул пустой кувшин и, не оборачиваясь, вышел из комнаты.

Еян Цы, оставшись один, приоткрыл рот и бережно коснулся кончика языка:

— ...Больно.

<http://bllate.org/book/15875/1443150>